Тучкова Н. А.

КОРПУСНЫЙ МЕТОД В ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (опыт использования на селькупском фольклорном материале)

В данной статье приведены результаты апробации корпусного метода в работе с фольклорным материалом. Применение данного метода позволило детально охарактеризовать этнографический облик материальной культуры селькупов по данным, полученным исключительно из фольклорных источников. Этнографический контекст фольклорных произведений разных локальных групп селькупов достаточно массово показывает их хозяйственные занятия: сочетание охоты и рыболовства. При этом в каждой локальной группе выявляются свои хозяйственные нюансы: в среднетазовском ареале – охота на уток и рыболовство сетью; в центральном диалектном ареале – белкование и рыболовство и т.д.). При этом был установлен факт архаичности облика материальной культуры селькупов, отраженной в фольклорных (сказочных) текстах.

Ключевые слова: *селькупы, локальные группы, фольклорные тексты, корпусный метод.*

Корпусная фольклористика как новое исследовательское направление находится в процессе своего становления¹. Данное направление формируется на базе объёмных текстовых собраний фольклорных произведений разных этнических традиций, созданных в электронном формате. При работе с большим объемом текстовых материалов уже недостаточно просто аналитического аппарата самого исследователя, на помощь приходят автоматизированный поиск и иные аналитические возможности, предоставляемые цифровыми технологиями. Методы корпусной фольклористики на этапе становления данного научного направления почти целиком заимствуются из методов корпусной лингвистики.

Развитие корпусной лингвистики привело к созданию многочисленных специализированных компьютерных аналитических программ², имеющих стандартизированную лингвистическую разметку; например, компьютерные лингвистические программы Toolbox, FLEx, Ex-Meralda, Elan (видео+аудио+ разметка текста), Praat (анализ звучащей речи, куда можно вставить разметку текста) и др. Создание подобных программ, приспособленных к работе с собраниями фольклора именно как с фольклорными текстами (а не просто языковым (лингвистическим) материалом) и нацеленных на решение задач фольклористического или этноисторического плана (выделение мотивов внутри сюжета, сбор и анализ выразительных фольклорных средств, или, как в случае данного исследования – выявление этнографических особенностей, содержащихся в фольклорных текстах), находится на стадии разработок в специализированных центрах³. Однако элементы корпусного подхода и статистические методы, оказывается, вполне возможным использовать уже на данном этапе развития этого направления. При этом очевидно, что самый первый шаг для продвижения любого целевого исследования в рамках данного направления – это создание репрезентативного и хорошо атрибутированного электронного корпуса фольклорных текстов, на базе которого планируется решать иные аналитические задачи.

Наиболее простой исследовательской задачей, которую можно поставить для решения с помощью данного метода, является поиск этнографических деталей в текстах фольклорных произведений. Именно такую задачу автор пыталась решить с использованием данного метода на селькупском фольклорном материале.

¹ Подробнее о развитии корпусной фольклористики см.: Николаев, 2015; Гриневич, 2015.

² См. Каталог лингвистических программ. URL: <http://rvb.ru/soft/catalogue/catalogue.html>

³ РГГУ (Центр типологии и семиотики фольклора); Сектор фольклора Института филологии СО РАН и др.

Для работы с контекстом селькупских фольклорных произведений автором (совместно с группой соавторов – А. В. Байдак, Н. П. Максимовой, А. А. Ким) был создан электронный корпус фольклорных текстов в 115 ед. Корпус состоит из трёх частей: Часть 1 – «Тексты с героем Итя»⁴; Часть 2 – «Фольклор [южных] селькупов»⁵; Часть 3 – фольклорные тексты, включенные в корпус после 2014 г.⁶

Следует подчеркнуть, что это не первый опыт создания электронного корпуса селькупских фольклорных текстов. Во второй половине 1980-х гг. (фактически на заре компьютерной эры, еще на «большой ЭВМ» (ЕС)) в лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова был создан корпус текстов на среднетазовском и верхнетазовском говорах северных селькупов, записанных в 1970-х гг. в лингвистических экспедициях под руководством А. И. Кузнецовой и её учениками – Е. А. Хелимским, Т. Ю. Кобзаревой, Л. Ю. Иоффе, О. А. Казакевич и др.⁷ В конце 1980-х к этому корпусу были добавлены тексты на баишенском говоре северных селькупов из архива Л. А. Варковицкой, записанные ею в экспедиции 1941 г.⁸, а также несколько текстов, записанные Г. Н. Прокофьевым в 1925–1928 гг.⁹, копии которых хранились в архиве Л. А. Варковицкой (о фольклорных материалах Л. А. Варковицкой см.: Кузнецова, 2004 : 337–340). Тексты были введены в компьютер с рукописных тетрадей силами студентов ОСиПЛ МГУ им. М. В. Ломоносова. В начале 1990-х корпус был перенесен на персональный компьютер и, начиная с 1996 г., регулярно пополнялся селькупскими текстами, записанными в экспедициях, проводившихся под руководством О. А. Казакевич. В основном это тексты на говорах северных селькупов, но несколько текстов было записано на кетском и нарымском диалектах южных селькупов. Все тексты, записанные после 1996 г., сопровождаются звуковыми файлами, а после 2002 г. также и видео файлами. Общий объем новой мультимедийной части корпуса более 50 тыс. словоупотреблений. В начале 2010-х гг. в компьютер были введены тексты из архива Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, хранящиеся в МАЭ РАН и не представленные в архиве Л. А. Варковицкой. Ведется постоянная работа над морфологической разметкой текстов селькупского корпуса. Для морфологического аннотирования используется программа Field Works, синхронизируется видео, аудио и текст

⁴ Выявление текстов с героем Итя из разных источников и набор их на компьютере (селькупского оригинала и русского перевода) осуществлялись автором данного исследования в период с 2005 по 2013 г. В ходе подготовки текстов к изданию лингвистом (специалистом по самодийским языкам) Б. Вагнер-Надь была проведена работа по унификации записей селькупских текстов (шрифтов и (частично) орфографии). Подборка текстов была издана как фольклорный сборник: см.: Тучкова Н. А., Вагнер-Надь Б., 2015.

⁵ Сборник «Фольклор селькупов» готовился в рамках проекта «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». О проекте см. (Кузьмина Е. Н., 2017). В работе над этим сборником, кроме автора данного исследования, принимали участие лингвисты-селькуповеды: А. В. Байдак, Н. П. Максимова (выявление селькупских фольклорных текстов из материалов, хранящихся в лаборатории языков народов Сибири (ТГПУ); компьютерный набор селькупских оригиналов); А. А. Ким (транслитерация и перевод с немецкого языка на русский текстов богатырских песен, записанных А. Кастреном); А. И. Кузнецова и О. А. Казакевич готовили к изданию североселькупские фольклорные тексты. В ходе работы по проекту была подготовлена рукопись сборника, представленная в РГНФ (в качестве отчета) и в Институт фольклора СО РАН (Новосибирск). Однако данная работа пока не завершилась изданием. Также пока корпус не размещен в сети Интернет; данный этап работы запланирован.

⁶ Фольклорные тексты, входящие в Часть 3, являются текстами, включенными в корпус после 2014 г., т.е. после того, как Часть 1 и Часть 2 уже были сформированы. Соединить части невозможно, так как это нарушает нумерацию, на которую уже стоят ссылки в научных публикациях.

⁷ Всего в корпусе было 27 текстов общим объемом более 10 тыс. словоупотреблений. В 1993 г. этот корпус был опубликован, см.: (Очерки по селькупскому языку, 1993). Подробное описание этого первого селькупского корпуса и некоторых, выполненных на нем, исследований опубликованы в монографии «Использование ЭВМ для исследования бесписьменных и младописьменных языков» (Казакевич, 1990).

⁸ 94 текста общим объемом более 30 тыс. словоупотреблений.

⁹ 8 текстов общим объемом около 10 тыс. словоупотреблений.

с разметкой в программе Elan¹⁰. Записи, сделанные в период с 1920-х по 1970-е гг. – это почти исключительно фольклорные тексты. Записи 1996–2016 гг. примерно наполовину состоят из фольклорных текстов; вторая половина представлена в основном историями жизни и охотничьими рассказами¹¹.

Кроме того, начиная с 2010 г. в Гамбургском университете в Институте финноугристики/уралистики идет работа по созданию селькупского корпуса совместно с корпусами по другим языкам – нганасанскому, энецкому, кетскому и др. (руководитель проекта – Б. Вагнер-Надь). Селькупская часть корпуса создается на основе, прежде всего, языковых материалов А. И. Кузьминой, собиравшей полевые материалы по селькупскому языку в 1960–1970-е гг. В рамках данного корпуса существует и значительный объем фольклорных текстов, который легко вычленяется при необходимости.

Также работа над созданием корпуса селькупских языковых данных (как и других языков Сибири) ведется на кафедре языков народов Сибири ТГПУ с 2000-х гг. в рамках нескольких проектов, руководителем которых является А. Ю. Фильченко, участники селькупской части проектов – С. В. Ковылин, Н. П. Максимова, Ю. В. Курганская, А. В. Байдак¹².

Для работы используются программы FLExx и Elan. В составе этого корпуса находятся преимущественно материалы, собранные томскими лингвистами-селькуповедами – А. П. Дульзоном и его учениками: Э. Г. Беккер, В. В. Быконей, Ю. А. Моревым, А. А. Ким-Малони, Н. П. Максимовой и др., а также тексты, записанные в 2000-е гг. в экспедициях. Обработка современных записей ведется в программе Elan, которая позволяет не только размечать текст, но и использовать видео- и аудио-сопровождение. В настоящий момент работа над базой данных продолжается, поэтому доступ к данным ограничен, отдельные тексты с поморфемной разбивкой частично выставлены на сайтах (<http://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/>)¹³.

Следует подчеркнуть, что все эти электронные корпуса текстов создавались для решения, прежде всего, лингвистических задач (фольклорные тексты являются их составной частью). Массированные этнографические или фольклористические исследования с их помощью пока не проводились (только у О. А. Казакевич есть ряд статей, где она, используя корпус,

¹⁰ Часть текстов с морфологическими глоссами выложена на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru>, созданного в ЛАЛС НИВЦ МГУ (рук. О. А. Казакевич).

¹¹ Сведения получены от О. А. Казакевич. В 1989 г. О. А. Казакевич одной из первых в нашей стране защитила кандидатскую диссертацию на тему «Машинный фонд селькупского языка: создание и использование в конкретных лингвистических исследованиях».

¹² Концепция проекта и пилотная стадия разработки осуществлялись в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы на 2005–2009 годы» Рособразования, проект «Систематизация материалов по языкам Сибири». Проект РФФИ 07-06-00227 «Создание компьютерной базы данных по языкам Обско-Енисейского языкового ареала». Проект РФФИ № 11-06-00371а. Основной объем материала 2011 г. обработан при поддержке проекта РФФИ № 11-06-00371а «Исследование проблем контактного взаимодействия автохтонных языков и культур западной Сибири в условиях языковой ассимиляции с использованием электронной мультимедийной базы данных по исчезающим языкам Сибири». Сведения на сайте URL: <http://siblang.tspu.ru/project09/RUSS/>

Зарубежный проект А. Ю. Фильченко: «Комплексная документация и описание двух исчезающих языков коренного населения Сибири: архивные материалы и последние носители восточно-хантыйского и южно-селькупского языков». Проект проводился в сотрудничестве ТГПУ и Университета Цюриха (Швейцария), при грантовой поддержке программы фонда Ханс Раузинг «Документация Исчезающих Языков Мира» (Великобритания). Данный фонд финансирует 10–12 проектов ежегодно во всем мире, и исследовательский коллектив кафедры языков народов Сибири, ТГПУ уже во второй раз становился получателем исследовательского гранта. Подробнее о проекте: URL: <https://www.tspu.edu.ru/fia/fia-news/13239-nauchnye-razrabotki-v-zhizn-zakonchilsya-sovmestnyj-mezhdunarodnyj-proekt.html>. Сведения получены от Е. А. Крюковой.

¹³ О деятельности сотрудников ЛЯНС ТГПУ по созданию лингвистических корпусов см. публикации: Фильченко, 2010, 2011.

затрагивала, помимо лингвистических задач, также и этнокультурные вопросы (см. Казакевич, 1995, 1997, 1999); о создании корпуса – Казакевич, 2016.

При работе с «Селькупским фольклорным корпусом (Тучкова, Байдак и др.)» для выявления этнографических аспектов, извлекаемых из контекста селькупских фольклорных произведений, применялся метод автоматизированного поиска внутри созданного электронного корпуса, являющегося, по сути, сформированной компьютерной базой данных. Навигация осуществлялась в рамках обычной программы Microsoft Word, так как специализированные программы, предназначенные для обслуживания нужд корпусной фольклористики, находятся в стадии исследований и разработки. Поиск производился по ключевым словам. Выявлялось как общее количество словоупотреблений (в тех случаях, когда это было актуально для цели исследования), так и количество текстов, в которых искомый термин был применен. Например, слово «царь» и его словоформы было использовано 264 раза; данный фольклорный персонаж появляется в 15 текстах из 115.

Поиск производился как в рамках русских переводов, так и в случае необходимости в рамках селькупских оригиналов. Например, в ряде случаев представлялось принципиально важным выявить, какой именно селькупский термин был использован в селькупских оригиналах. Так, относительно термина «царь» было установлено, что каждый раз¹⁴ сказители, воспроизводя сюжеты на селькупском языке, использовали именно селькупский термин – *qōn*, *qok* или *āmtiŕ qok*, *амдиџок*; термин «царь» или «князь» появлялось только в русском переводе. Этот нюанс важен (хотя он не является решающим) для формирования мнения автора относительно аутентичности текста (и соответственно – сюжета).

Таким образом, по ключевым словам, внутри фольклорных текстов были выявлены эпизоды (фразы), характеризующие хозяйственные занятия героев, объекты материальной культуры (снаряжение охотника, средства передвижения, жилища, утварь, одежда, пища), элементы социальной жизни (гостеприимство, сватовство и свадьба, проводы героя в дальний путь, похороны), царь и царский город, богатыри и битвы). Результаты автоматизированного поиска и предварительный их анализ¹⁵ представлен ниже¹⁶.

Хозяйственные занятия. Этот аспект хорошо выявляется на материале селькупского фольклора. Как правило, в большинстве текстов в первых фразах (зачинах) прежде всего сообщается, каким хозяйственным занятием занимался (-ется) герой (герои).

Охота. Отчетливо видно, что фольклор селькупов всех групп – это фольклор таежных охотников и рыболовов. Однако даже на начальном этапе анализа стали высвечиваться нюансы, характеризующие этнографическую специфику разных локальных ареалов. Контекстное наполнение фольклорных произведений демонстрирует, что для селькупов центрального диалектного ареала (ЦДА) и южного диалектного ареала (ЮДА) главным промысловым занятием героев является белкование (охота на белку). Поэтому события в текстах этих групп, как правило, зимние. У селькупов северного диалектного ареала (СДА) значительная доля текстов (особенно из подборки «Текстов с героем Итя») начинается сборами героя на рыбалку и, одновременно, охоту на водоплавающую дичь.

¹⁴ Только в двух текстах на русском языке при переводе слова *qōn* не был задействован термин «царь», а использовалась селькупская форма: Тексты № 48, 49_TW – сказки о борьбе Ичи и Кона Мытыки.

¹⁵ Поскольку 115 образцов селькупского фольклора – это далеко не 100% всего фольклорного наследия селькупов, то выводы, представленные в данном разделе, не носят исчерпывающего характера. Каждый новый фольклорный текст, включенный в сформированную базу данных, может внести корректировки в любой из выявленных параметров, а также повлиять на общие выводы.

¹⁶ В тексте статьи ссылки на фольклорные тексты стоят именно с учетом их нумерации внутри корпуса: ссылки на тексты Части 1 маркируются следующим образом: Тексты № 1-60_TW; Части 2 – Тексты № 1-63_БТ; Части 3 – Текст № 1-6_доп.

Только в двух северных текстах есть описание охоты (гоньбой) на дикого оленя¹⁷, и в тексте с Кети есть описание ментальной охоты на оленя¹⁸.

Следует отметить, что в фольклорных текстах наблюдается приоритет активных способов охоты над пассивными (почти во всех текстах герой охотится активно), тогда как в этнографических описаниях культуры селькупов исследователи обычно акцентируют некий паритет пассивных и активных способов охоты, или даже есть мнение, что пассивные способы охоты в прошлом преобладали. Однако и в фольклоре есть упоминания о пассивной охоте: бобров герой по совету своего отца добывал котцами (Чая), глухарей – петлями (Васюган): «Она [дочь героя] с отцом охотиться ходила, зверей добывала. Глухарей тоже добывала она, петли ставила»¹⁹. Также петлями Итя добыл «зверей» – *кувтаргу* Пюнегуссе («с коровьим следом» и «с лошадиным следом»), а потом петлей поймал и самого Пюнегуссе²⁰.

Много раз в СДА и ЮДА встречается упоминание об охоте на водоплавающую дичь, главным образом, на уток. Типичным является сочетание: герой пошел рыбачить сетью и одновременно взял лук и стрелы (точнее, как правило, только одну стрелу с тупым наконечником) и подстрелил утку.

Как исключение из правил выглядят охота на лебедей (Кеть) – героя Итю заставил на них охотиться людоед Пюнегуссе; и на бобров (Чая). Такая охота заканчивается чередой испытаний. Данные сюжеты имеют моральный подтекст: на этих существ охотиться нельзя.

Рыболовство. В 20 текстах (от всей подборки фольклора в 115 ед.) основным хозяйственным занятием героя (героев) выступает рыболовство: «Однажды Ичакычика сказал бабушке: “Бабушка! Я поеду ловить рыбу сетью”. Бабушка дала сеть. Ичакычика поехал. Приехал, в ручеек поставил сеть. Сеть натянул»²¹. Подобные описания являются типичными зачинами многих фольклорных произведений, но, главным образом, такое начало характеризует, прежде всего, тексты с героем Итей.

Помимо добычи рыбы сетью, отмечено рыболовство забором: «Йомпа забором промышляет. Однажды рыба обездолила (его); рыбу добыть не может. Сверху (по течению) каждый день покойницкие кости так сильно несет (течением) – Йомпы забор впредь сломается» (Турухан)²². Приведённый пример – это СДА, хотя заборное рыболовство хорошо было известно у всех групп селькупов, в том числе и у селькупов Приобья.

На Оби в Иванкино упомянута добыча рыбы мордами: «У матери поставлена в истоке озера морда. Мать отправляется морду смотреть, а Идя просится с матерью пойти к морде, морду смотреть»²³.

Как редкое занятие (фактически как экстраординарное событие), в фольклоре селькупов отмечено лучение рыбы острой пикой – добыча гигантской Рыбы-Отцовской-Рыбы-Материнской. Герой добывает её из проруби, выдернув и заострив для этого целое дерево: «Ича сделал прорубь, ну, теперь вокруг нее караулят (смотрят). Сам на берег пошел. Остроконечную елку вырвал, заточил конец хорошо. ...Сам остроконечную елку верхушкой вниз (перевернув), в прорубь опустил. Сам на берег отправился»²⁴.

Животноводство. Данное хозяйственное занятие достаточно заметно присутствует в фольклорных текстах, но прежде всего – в зоне контакта ЦДА и ЮДА (т.е. это Обь (Иванкино)), где отмечается сочетание белкования и животноводства: «Старик со старухой жил...

¹⁷ Текст № 55_TW Таз; Текст № 27_TW Турухан

¹⁸ Текст № 37_Кеть (УО).

¹⁹ Текст № 29_БТ Чая, Текст № 6_БТ Вас.

²⁰ Текст № 3_Доп. Кеть.

²¹ Текст № 3_TW Таз.

²² Текст № 37_TW Турухан; См. также тексты № 17, 29, 48, 49_TW – Таз, Турухан, Баиха, Толька,

²³ Текст № 34_TW Обь (Ив.).

²⁴ Текст № 52_TW; Кеть (УО).

Они жили, скот держали, кормили. Старик в лес ходил»; «Муж в лес с ружьем пошел белковать. ... Он белковал, а жена дома была, скот кормила»²⁵. Кроме того, в туруханском тексте (№58) отмечено, что Ича (бедный) жил охотой, а богатый Колцак-Ира (богатый) держал коров²⁶ – на этом противопоставлении завязывается сюжет. Также на Кети коровы и кони (только в одном тексте, записанном К. Доннером в 1912 г.) есть у противника героя Ити – у Пюнегуссе²⁷.

Слово «конь» использовано 37 раз (плюс падежные формы – в итоге до 200 словоупотреблений); «лошадь» – 36 словоупотреблений²⁸. Однако все они в рамках очень ограниченного количества текстов (в 9 текстах) в двух узких локальных ареалах: 1) Парабель+Обь (Иванкино); 2) Турухан (Туруханск+Янов Стан).

В среднетазовском локальном ареале нет ни одного текста с упоминанием животноводства как хозяйственного занятия героев.

Занятия *оленьеводством* (содержание и уход за домашними оленями) в фольклоре селькупов всех групп отсутствуют. Олень, как средство передвижения, отмечен только единожды: «Ича однажды поехал охотиться. Запряг трех оленей. Эти его олени, все их рога с острыми концами были. На своих оленях поехал в лес охотиться. Ича едет на нарте, вниз упал (=спустился) в тундру» (Таз)²⁹.

Собирательство. Несмотря на то, что данный вид хозяйственной деятельности широко представлен в селькупской культуре, однако в фольклорных текстах оно представлено единичными упоминаниями. Так, например, сбор кедрового ореха упомянут в нескольких текстах ЦДА (Тым, Чузик, Васюган): «..бабушка Иджю увезла шишки собирать»; «Старуха кедровые ветки палкой (колотушкой) бьёт, оттуда шишки падают»³⁰.

В одном из текстов с Кети отмечено, что родители героя собирают ягоду: «Отец с матерью днем за ягодой, рыбой уходят. За ягодой когда оба пойдут, Итя дома остается»³¹.

Материальная культура

Предметы экипировки охотника. Орудиями охоты в фольклоре всех групп селькупов в большинстве случаев выступают *лук и стрелы*³², но именно в СДА (особенно в туруханских текстах) эти нюансы экипировки описаны детально: «Ича взял свой лук, взял свой колчан со стрелами, пошел на охоту...» (Турух.)³³; «Однажды утром встал, под гору (т.е. вниз к реке спустился и в ветку – долблённую лодку) сел, лук свой взял и *колчан* свой взял; под гору сел» (Турух.)³⁴.

²⁵ Текст № 25_БТ

²⁶ Текст № 58_TW Турухан.

²⁷ Текст № 3_Доп. Кеть.

²⁸ Конь: Текст № 56_TW (Янов Стан); Тексты № 7, 26, 30_БТ (Парабель), № 25 Обь (Ив.), № 27 Обь (Сонд.). Лошадь: № 50 Кеть, № 56 (Янов Стан), № 57, 58_TW (Турухан).

²⁹ Текст № 35_TW Таз. Данный текст по многим другим параметрам (в частности, по наличию особых сюжетных линий) выпадает из всей подборки не только среднетазовских Итя-текстов, но и из всего общего собрания селькупских фольклорных текстов.

³⁰ Текст № 24_TW Васюган; Текст № 26_TW Тым-Чузик.

³¹ Текст № 21_TW Кеть (УО).

³² Лук и стрелы (стрела) упомянуты в 16 текстах: TW_Тексты № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 14, 16, 27, 28, 37, 46, 48, 49, 52, 55; и в 7 текстах № 1, 3, 5, 6, 30, 41, 54_БТ.

³³ Текст № 28_TW Турухан.

³⁴ Текст № 37_TW Турухан.

Только в туруханских Ича-текстах присутствует сюжет с волшебной стрелой (с тупым наконечником – *тамар*)³⁵, убивающей одним выстрелом семерых глухарей или оленей. Эту стрелу герой, по подсказке своей бабушки, взял из амбара деда³⁶.

Стрелой с тупым наконечником стреляет также Йомпа, чтобы узнать путь к Водяному лозу: «Йомпа, пока еще не сидел (досл. «в несидении своем») надел (стрелу на тетиву), к небу выстрелил. Томар его вверх ушел, вниз спустился – томар свой тут поймал»³⁷.

Для завязки сюжета Итя-текстов важен *промах героя* во время выстрела из лука, из-за чего он попадает в ловушку людоеда: «Стрелу взял и выстрелил – прошла стрела поверху [=мимо]. Утки все взлетели. На берег пришел стрелу взять. Тянет стрелу – выдернуть не может»³⁸.

Промах героя важен и для мифологических представлений селькупов: «[Звёзды] – Итины стрелы. [Их семь (по 3) на небе в разных местах. Он стрелял, и мимо. И стрелы залетели на небо»³⁹.

Ружье отмечено только в 5 текстах на селькупском юге: на Оби – Ласкино, Иванкино и в одном из текстов с Кети⁴⁰. На всю сумму североселькупских сказок приходится только одно упоминание о ружье, и то в контексте, подчеркивающим его инородность для селькупской культуры: «Он (Ичак) знает, придут с *ружьём*, его поймают (арестуют), посадят в тюрьму»⁴¹.

Ручная нарта как деталь экипировки охотника упомянута также только в ЮДА⁴² и на Парабели (ЦДА). В нарте охотник тащит свои припасы и снаряжение, накинув лямку от нарты на плечо: «...мимо проходят охотники со всем снаряжением, идут тоже на охоту, осенью это. Вот последняя нарта проходит, ...» (Кеть)⁴³; «Сперва распрокинул отцовскую домашнюю нарту и, потащив ее подле своих лыж, пошел. ...надевает лямку»⁴⁴ (Чая).

В северных текстах нарта ручная упомянута единожды, когда Ича пугает царя убитой бабушкой: «Старуха умерла. Старуху в хорошее платье одев, [Ича] на улицу принес [её], в нарточку посадил. ...Сам на берег потащил в город. Пришел в дом царя. К окну свою нарточку туда поставил»⁴⁵. Такой же сюжет и с тем же способом использования ручной нарты отмечен на Парабели⁴⁶.

Жилище. *Чум* – *тăт*. В 14 североселькупских текстах основным жилищем героя (-ев) является чум⁴⁷. При этом никаких деталей интерьера чума, элементов его конструкции или пространственных зон, важных для его обитателей, в текстах не фиксируется, кроме опорного шеста (герой привязывает себя к нему, и шаману-людоеду не удается его оторвать от шеста, поэтому духи шамана поднимают его вместе со всем чумом). В тазовских текстах упоминается еще полог⁴⁸. Относительно очага – см. ниже.

³⁵ Тексты № 27, 28_TW Турухан.

³⁶ Тексты № 27, 28_TW Турухан.

³⁷ Текст № 37_TW Турухан.

³⁸ Текст № 4_TW Толька.

³⁹ Текст № 46_TW Кеть (УО).

⁴⁰ Тексты № 25 Обь (Ив), 37 (Кеть), 46, 49, 51 Обь (Ласк)_БТ.

⁴¹ Текст № 58_TW (Турух.).

⁴² Тексты № 21, 23, 29, 32 – Обь (Сонд.), Кеть (УО), Чая_БТ; Текст № 24 (Пар.)_БТ.

⁴³ Текст № 51_TW Кеть (УО).

⁴⁴ Текст № 29_БТ Чая.

⁴⁵ Текст № 38_TW Таз.

⁴⁶ Текст № 32_БТ Парабель.

⁴⁷ Чум: TW: Тексты № 1 (Таз), 4 (Толька), 17 (Баиха), 27, 37, 58 (Турух.), 35, 38, 40, 41, 42, 48, 55, 56 (Таз) – в 14 текстах.

⁴⁸ Полог: TW: тексты № 1, 2, 3 (Таз)

Основными словосочетаниями, в которых задействован термин *чум*, являются словесные обороты, связанные с входом в него/выходом из него: «*Ījajamāt šerrēmpānī*» – *Мальчик в чум вошел...*; вышел Ича из чума, огляделся...; Бегом в чум вернулся... и т.п.

В южных текстах чум как обозначение жилища фактически отсутствует; он упомянут только в двух текстах с сюжетом, аналогичным тазовскому⁴⁹ (герой ворует у старика рыбу, затем тот шаманит, и его духи приносят мальчика вместе с чумом): «Мальчик ...к дереву себя привязал, этот шест посередине чума стоит. У чертей силы не хватает его оттуда отвязать. Бабушку черти поймали, черти чум вверх подняли, унесли»⁵⁰.

Во всех остальных текстах в ЮДА и ЦДА, где хоть как-то упоминается жилище, представлены иные типы жилищных конструкций: *избушка*⁵¹ «Две семейные пары жили-поживали в тайге в маленьких избушках»⁵² или *карамо* (землянка)⁵³: «Карамо перед дверью кланяются они, к солнцу (в сторону солнца) кланяются. Вдруг где-то дверь на ширину головки тамара открылась»⁵⁴; «Только у Кана, у кого был карамо, исходил дым. Иде зашёл в карамо Кана. Кана лежит на кровати»⁵⁵.

У северных селькупов землянка *čul'māt* присутствует только в двух тазовских текстах⁵⁶: «Ича идет пешком рядом с дедом... Видят большую землянку. Пришли, в дом вошли. Ича стоит, по сторонам посматривает. Внутренность дома черта-старика велика [=дом черта-старика просторный]. На обеих сторонах постели. На ближней стороне постели двух его дочерей»⁵⁷.

Последний пример – это описание жилища Лоза-старика (людоеда), поймавшего Ичу. Интересно отметить, что в тексте на Оби (Ив.) есть также указание, что «Пюнегуссе ...жил один в карамо...», т.е. антагонист героя живёт в землянке, тогда как основной положительный герой живёт либо в чуме (Таз), либо в избушке (Вас.).

Очаг, чувал. В ЮДА в карамо или в избушке очаг – это всегда чувал: «У старика чувал, огонь его горит» (Кеть)⁵⁸; «Безголовый журавль пошел к чувалу, вытянул шею...» (Чая)⁵⁹.

Три мотива, связанных с очагом (чувалом), характерны для селькупских сказок ЮДА (Чая, Кеть (УО), Обь (Ив.)):

1. Самовозгорание огня от головешек в чувале старика Массу – Семь сажений: «Три из медвежьих голов головешки сами себя в костре помешивают. Старик Семь сажений в высоту котелок над огнем подвесил (букв. вниз опустил). Котел сварился, (кто-то как будто) взял его с огня. Без хозяев, вроде, что ли, вычерпав, поставил» (Кеть)⁶⁰; «Две головни подвинулись друг к другу, вдруг загорелся огонь» (Чая)⁶¹. Огонь разгорается сам (его никто не разжигает, за ним никто не следит), еда готовится и подается гостю сама.

2. Эпизод, в котором герой, вернувшийся после путешествий и приключений в родной дом, не сразу заходит внутрь, а сначала с крыши заглядывает в дымовое отверстие чувала и смотрит, что творится внутри: «...посмотрел вниз в трубу чувала, вышедши. Он видит: отец и

⁴⁹ На Кети есть термин чум в русском переводе в Тексте № 15_БТ, но в селькупском оригинале данный термин отсутствует.

⁵⁰ Текст № 16_TW Васюган.

⁵¹ Избушка: Тексты № 20, 34, 35_БТ (Вас.), 26_БТ (Пар.)

⁵² Текст № 34_БТ Васюган.

⁵³ Карамо: TW_текст № 50 Кеть (УО); Доп: тексты № 1, 2 Обь (Заик., Ив.); БТ_текст № 54 Чая.

⁵⁴ Текст № 50_TW Кеть (УО)

⁵⁵ Тексты № 1, 2_Доп. Обь (Зайк., Ив.)

⁵⁶ Землянка (чуль мот) TW_тексты № 3, 54 Таз.

⁵⁷ Текст № 3_TW Таз.

⁵⁸ Текст № 50_TW Кеть (УО).

⁵⁹ Текст № 29_БТ Чая.

⁶⁰ Текст № 50_TW Кеть (УО).

⁶¹ Текст № 29_БТ Чая.

мать толкают уголек с огнем и говорят один другому: ты не погаси, этот огонь мой сын видел, не погаси»(Чая)⁶². «Итя на крышу дома залез и посмотрел через дымовое отверстие» (Кеть)⁶³

«В это время Идя и девушка домой к Иде пришли. Идя сам на крышу дома полез. В трубу в дом (во внутрь дома) смотрит. Альдига со стариком сидят около чела печи (чувала) и на единственный уголёк от огня дуют. Идя на этот уголёк сверху сплюнул. Этот уголёк погас. Мать со стариком подрались. Мать старику говорит: «Из-за тебя уголёк погас. Ты плюнул...»⁶⁴

Мотив камлания шамана-людоеда, чьи духи прилетают через дымовое отверстие и утаскивают героя, также наиболее подробно представлен в тексте с Кети: «Его скребок через дымовое отверстие показался... Через дымовое отверстие [Итя] вверх взлетел... Через дымовое отверстие вниз в золу костра упал. Пинэвельдю, кочергой подхватив, проглотил его»⁶⁵.

В СДА есть только один текст, в котором герой попадает в дом Водяного лоза через дымовое отверстие его чума, и затем также через это отверстие от него сбегает: «Водяного дочка так сказала (досл. «стала») Йомпе: «Ты выскочи чума поверху (т.е. сквозь дымовое отверстие), я тебя догоню» (Турухан)⁶⁶.

В фольклоре других локальных групп селькупов дымовое отверстие чувала или чума не акцентируется в сюжете, хотя этнографические данные свидетельствуют, что дымовое отверстие чума у северных селькупов всегда воспринималось как основной вход/выход для духов шамана или иных потусторонних существ.

***

Таким образом, подводя итоги по применению корпусного подхода к селькупским фольклорным текстам – анализу деталей материальной культуры, упомянутых в фольклорных текстах, можно сделать ряд выводов:

1. Данный подход к фольклорным данным позволяет выявлять сразу большой и детально дифференцированный набор этнографических аспектов, давать моментальный статистический ряд: количество словоупотреблений, количество текстов, имеющих анализируемые этнографические детали и т.п. Всё это позволяет делать обоснованные выводы относительно того, единичным или типичным является та или иная этнографическая деталь (объект). Кроме того, этот метод дает возможность более точно дифференцировать материал по локальным ареалам и хронологическим периодам (например, отделять сведения текстов XIX и XX вв.).

2. Сумма выявленных этнографических элементов (маркёров) позволяет буквально создавать своеобразный этнографический очерк, характеризующий этнографическую культуру героев селькупских фольклорных произведений. Однако нельзя однозначно экстраполировать эту культуру на реальную культуру селькупского этноса: совпадения не могут быть абсолютными и неопровержимыми. Следует помнить, что выявляемое «культурное полотно» – это культура фольклорных текстов, но не культура самих селькупов. Хотя она, безусловно, является производной от реальной этнографической культуры селькупов, и, тем самым, позволяет делать некоторые выводы «в обратную сторону» – относительно реальной этнографии.

3. Обращает на себя внимание тот факт, что фольклорные тексты дают некий архаизированный облик культуры. Например, в текстах сказок практически нет реалий советского быта, и только в туруханских текстах отмечены реалии города конца XIX – начала XX в. Однако эта архаика не кажется глубокой – с «шагом назад» на 1–2 столетия. Так как большинство текстов сказок было записано в основном в середине XX в., то представляемый в текстах быт героев характеризует жизнь селькупов примерно середины XIX в. Те немногие тексты, которые были

⁶² Текст № 29_БТ Чая.

⁶³ Текст № 4_Доп. Кеть (МЯ).

⁶⁴ Текст № 34_TW Обь (Ив.).

⁶⁵ Текст № 50_TW Кеть (УО).

⁶⁶ Текст № 37_TW Турухан.

записаны в XIX в., демонстрируют наиболее архаичные детали быта героев и, вероятно, эти детали можно соотнести с бытом селькупов XVIII в.

4. В основном этнографический контекст фольклорных произведений разных локальных групп селькупов достаточно массово и детально показывает их хозяйственные занятия – сочетание охоты (белкования) и рыболовства (при этом в каждой локальной группе – «просвечивают» свои хозяйственные нюансы). Однако фольклор ни одной из локальных групп селькупов не показал оленеводство как существенную отрасль хозяйства. В целом следует подчеркнуть, что олени (даже как объект охоты) редко упоминаются в селькупских фольклорных текстах.

5. Все основные локусы селькупской культуры разнятся по деталям этнографического быта в фольклорных текстах. Бытовые реалии сказок северного диалектного ареала (с чумом и очагом в виде костра) и центрального диалектного ареала (где герои живут в избушках с чувалом) показывают наполняемость неодинаковыми этнографическими деталями, поэтому в фольклорном отношении сказки из этих районов демонстрируют обособленность друг от друга; т.е., помимо несходства фольклорных мотивов, сказки СДА и ЦДА «выглядят» по-разному. При этом тексты из района Кети (ЮДА), в которых также нередко упоминается о чуме (даже в русском переводе), делают этот ареал неким «промежуточным» звеном между «северными» и «центральными» текстами.

Особо следует отметить этнографические детали сказок, записанных в районе р. Парабели (Ласкино, Нельмач) – они близки деталям, упомянутым в текстах на Оби (Ив.). Это разные диалектные ареалы (ЦДА и ЮДА), но они географически близки друг другу (Иванкино и Ласкино по Оби отделяют всего около 50 км). Кроме того, тексты, записанные на Парабели и на Оби (Иванкино) в середине XX в. имеют наибольшие следы русифицированного быта, выраженного, прежде всего, более заметной ролью животноводства (конь, коровы, телега и т.п.).

Кроме того, фольклорные связи (не только сходство мотивов, но прежде всего, контекстные детали) показывают близость таких локусов как: Кеть – Обь (Иванкино); Кеть – Турухан. Особенно близки по контекстным нюансам сюжеты с наличием «города», рядом с которым живёт герой, из таких далеких друг от друга локусов как Турухан и Обь (Иванкино, Зайкино).

Фольклорные связи между средним Тазом и Тымом присутствуют, но следует отметить, что фольклорные тексты из этих ареалов разнятся не только наборами мотивов, но и этнографическим бытом.

Сокращения

TW – Tuchkova&Wagner-Nagy; БТ – Байдак&Тучкова; Доп. – дополнительно; ЦДА – центральный диалектный ареал; ЮДА – южный диалектный ареал; СДА – северный диалектный ареал; Ив. – Иванкино; УО – Усть-Озёрное; Зайк. – Зайкино; Сонд. – Сондорово; МЯ – Максимкин яр; Вас. – Васюган; Пар. – Парабель; Турух. – Турухан.

Список литературы и источников

- Гриневич А. А. Онтология хантыйского корпуса текстов для электронного портала «Фольклор народов Сибири» // Язык и фольклор коренных народов Сибири. – 2015. – № 1 (28). – С. 84–90.
- Казакевич О. А. Машинный фонд селькупского языка: создание и использование в конкретных лингвистических исследованиях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989.
- Казакевич О. А. Использование ЭВМ для исследования бесписьменных и младописьменных языков. (На материале селькупского языка). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. – 130 с.
- Казакевич О. А. Частотные словари селькупских фольклорных текстов // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. – Том 1. Филология. – Новосибирск, 1995.
- Казакевич О. А. Картина мира северных селькупов сквозь призму фольклора // Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». – М., 1997.

- Казакевич О. А. О культуре народа, отраженной во фразеологии (на материале селькупского языка) // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 311–317.
- Казакевич О. А. Корпус фольклора северных селькупов: 1914–2015 // I Сибирский форум фольклористов. – Новосибирск: Академиздат, 2016. – С. 19–21.
- Кузьмина Е. Н. Основные научные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 5–12
- Кузнецова А. И. Описание архива Л. А. Варковицкой // Мифология селькупов. – Томск, 2004. – С. 337–340.
- Николаев Д. С. Создание электронного корпуса фольклорных текстов на русском языке (2015) / vciom/fileadmin/file/nauka/grusha2015/s2_6/Nikolaev.pdf
- Очерки по селькупскому языку. – Т. 2. – М., 1993.
- Тучкова Н. А., Вагнер-Надь Б. «Семи богов мудростью обладающий Итте...» Тесты с героем Итя в селькупском фольклоре. – Томск, 2015.
- Фильченко А. Ю. Из опыта ареального анализа диалектных данных языков обско-енисейского языкового ареала // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 7. – С. 94–101.
- Фильченко А. Ю. Из опыта ареального анализа хантыйских, селькупских и чулымских диалектных данных // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 3. – С. 148–155.

Тучкова Н. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: natatutschkova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 05.03.2018 г.

Tuchkova N. A.

**THE CORPUS METHOD IN FOLKLORISTICS AND ITS POTENTIAL
FOR FURTHER ETHNOGRAPHIC INVESTIGATIONS
(the experience in its application to the Selkup folklore materials)**

This article shows the results of the corpus method approbation in the investigation of the folklore materials. The application of this method to purely folklore resources has allowed to describe the ethnographic character of the Selkup material culture in detail. The ethnographic context of the folklore texts from different Selkup local groups massively demonstrates their main subsistence activities: a combination of hunting and fishing. Meanwhile, each local group reveals its own distinctive features: the Middle-Taz areal – duck-hunting and fishing with the fishing net; the Central dialectal areal – squirrel hunting and fishing, etc. It has been verified that the locus of each of the Selkup cultures differs in the folklore texts not only in the distribution of the main subsistence activities, but also in the ethnographic details of daily routine. The range of ethnographic details varies in the Northern and in the Central areals. Everyday realities from the Northern dialectal areal include the «chum» (a special tent) and a fireplace in the form of a bonfire, whereas the heroes from the Central dialectal areal live in «izbushkas» with a «chuval» (a special fireplace). Furthermore, it has been established that the Selkup material culture reflected in the folklore fairytales is archaic.

Key words: *Selkups, local groups, folklore texts, hull method.*

References

- Grinevich A. A. Ontologija hantyjskogo korpusa textov dlja elektronnoho portala "Folklor narodov Sibiri" [Ontology of the Khanty corpus of texts for the electronic portal «Folklore of Siberian peoples»] // Jazyk i folklore korennyh narodov Sibiri. [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. – 2015. – № 1 (28). – P. 84–90. (in Russian)
- Kazakevich O. A. Mashinnyj fond selkupskogo jazyka: sozdanie i ispol'zovanie v konkretnyh lingvisticheskih issledovani-jah. [Machine Fund of the Selkup language: the creation and use of a specific linguistic research]. – М., 1989. (in Russian)

- Kazakevich O. A. Ispol'zovanie EVM dlja issledovanija bespis'mennyh i mladopis'mennyh jazykov. Na materiale sel'kupskogo jazyka. [Use of computers for the study of non-written and pre-written languages. On the material of the Selkup language]. – M., 1990. – 130 p. (in Russian)
- Kazakevich O. A. Chastotnye slovari sel'kupskih folklornyh textov [Frequency dictionaries of Selkup folklore texts] // Aborigeny Sibiri: Problemy izuchenija ischezajush'ih jazykov i kultur. [The Aborigines of Siberia. Problems in the study of endangered languages and cultures]. – Vol. 1. Philology. – Novosibirsk, 1995. (in Russian)
- Kazakevich O. A. Kartina mira severnyh selkupov skvoz' prizmu folklor [Picture of the world of the Northern Selkups through the prism of folklore] // Mezhdunarodnyj simpozium po psiholingvistike i teorii kommunikacii "Jazykovoe soznanie i obraz mira". [International Symposium on psycholinguistics and communication theory "Linguistic consciousness and the image of the world"]. – M., 1997. (in Russian)
- Kazakevich O. A. O kul'ture naroda, otrazhennoj vo frazeologii (na materiale sel'kupskogo jazyka) [On the culture of the people reflected in phraseology (on the material of the Selkup language)] // Frazеologia v kontekste kul'tury. [Phraseology in the context of culture]. – M., 1999. – P. 311–317. (in Russian)
- Kazakevich O. A. Korpus folklorе severnyh selkupov: 1914–2015 [The corpus of the folklore of the Northern Selkups: 1914–2015] // I sibirskij forum folklорistov. [1-st Siberian forum of folklore]. – Novosibirsk, 2016. – P. 19–21. (in Russian)
- Kuz'mina E. N. Osnovnye nauchnye principy publikacii folklornyh proizvedenij (na materiale toмов Serii "Pamjatniki folklorе narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka") [The basic principles, the publication of folklore texts (on the material of volumes of the Series "Monuments of folklore of peoples of Siberia and the Far East")] // Sibirskij filologicheskij zhurnal. [Siberian philological journal]. – 2017. – № 1. – P. 5–12. (in Russian)
- Kuznecova A. I. Opisanie arhiva L.A. Varkovickoj [L.A. Varkovickaja's archive description] // Mifologija sel'kupov. [Mythology of Selkups]. – Tomsk, 2004. – P. 337–340. (in Russian)
- Nikolaev D. S. Sozdanie elektronного korpusa folklornyh textov na rusском jazyke [Creation of electronic corpus of folklore texts in Russian]. 2015 / vciom/fileadmin/file/nauka/grusha2015/s2_6/Nikolaev.pdf
- Oчерki po selkupskomu jazyku [Essays on the Selkup language]. – Vol. 2. – M., 1993. (in Russian)
- Tuchkova N. A., Wagner-Nagy B. «Semi Bogov mudrost'ju obladajush'ij Itte...». Texty s geroem Itja v selkupskom folklorе. ["A hero Itte with the wisdom of the seven gods". Texts with hero Itja in Selkup folklore]. – Tomsk, 2015. (in Russian)
- Filchenko A. Ju. Iz opyta areal'nogo analiza dialektnyh dannyh jazykov obsko-enisejskogo jazykovogo areala [From the experience of the areal analysis of dialect data of the Ob-Yenisei languages] // Vestnik TGPU. [Bulletin of TSPU]. – 2010. – № 7. – C. 94–101. (in Russian)
- Filchenko A. Ju. Iz opyta areal'nogo analiza hantyjskih, selkupskih i chulymskih dialektnyh dannyh [From the experience of areal analysis of Khanty, Selkup and Chulym dialect data] // Vestnik TGPU. [Bulletin of TSPU]. – 2011. – № 3. – C. 148–155. (in Russian)

Tuchkova N. A., PhD, Associate Professor at the Department of Archaeology and Ethnology.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaja, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: natatutschkova@yandex.ru